

Коннозаводчик не уловил, отчего так защемило сердце Е Сяои, и решил, что юноша просто сбивает цену. Торговец снисходительно улыбнулся и принялся расхваливать свой товар:

— Малолетний брат мой, ты просто не знаешь здешних порядков. Лошадь живёт тридцать лет. Возьмёшь двадцатилетнего мерина — он тебе ещё добрых десять лет прослужит. Если не заставляй его таскать тяжести и телеги, а ездить верхом налегке, то лучшего и не пожелаешь. Обычные путники берут старых коней для дороги. Двенадцать лянов серебра — сущие копейки.

Е Сяои решительно замахал руками:

— Старая кляча мне ни к чему. Мне конь нужен для перевозки грузов.

— Для грузов? — тут же подхватил торговец. — Тогда тебе точно нужен тяжеловоз. Шея у него мощная, ноги крепкие. И телегу потянет, и товар доставит, и в поле подсобит. Бегаёт куда резвее быка, а выносливости поболее, чем у благородного скакуна. У меня тут все кони как на подбор. Целый день могут бежать, а попить попросят всего раз. Для дальней дороги с поклажей — лучшая скотина. Обычная телега с упряжью обойдётся тебе в двадцать с лишним лянов, а за этого ломового коня прошу всего двадцать. Считай, даром отдаю.

Е Сяои с лёгким пренебрежением оглядел коренастого, похожего на быка тяжеловоза:

— Уж больно он приземистый. Небось плетется едва-едва?

Коннозаводчик лишь усмехнулся:

— Драгоценный мой, так ведь для грузов коня выбираешь! Тяжеловозы все такие — ростом не вышли.

Е Сяои откашлялся:

— Груз у меня не тяжёлый — шпильки да украшения, весу в них почти нет. Мне нужен конь побыстрее.

Если бы они взяли обычного медлительного быка или тяжеловоза, Мо Юэ тратил бы на дорогу до Города Янчжоу и обратно целых шесть дней. Это напрочь лишило бы их дело всякого смысла. Он на такое точно бы не согласился.

Торговец мигом перестроился и повёл гостей к загончику с породистыми скакунами, что использовались для срочной почты:

— Если для быстрой езды, то эти красавцы летят как ветер. На таких гонцы из управы спешные донесения доставляют. За сорок лянов отдам, и то по старой дружбе. Чиновникам я их гораздо

дороже продаю.

С этими словами торговец растопырил пятерню.

Мо Юэ бросил взгляд на скакуна — точёная шея, длинные стройные ноги. Сразу видно, бегун отменный.

Е Сяои, однако, скептически уставился на его тонкие конечности:

— Что-то ноги у него больно хлипкие по сравнению с тяжеловозом. Говорят, благородные кони — страшные неженки: корми их только отборным зерном, от мошкары оберегай, в холод укрывай да не перетруждай. Твой почтовый летун выносливостью явно не блещет. Сдохнет в первой же поездке, и пиши пропало — прощайте мои денежки. А нет ли у тебя коня попроще, чтоб и впрячь можно было, и верхом проехать? Хочется, чтоб и ноги длинные, и кость крепкая.

Торговец хлопнул себя по бедру:

— Как не быть! Есть у меня несколько таких сокровищ. Пойдём покажу.

Он привёл их к соседнему стойлу. Тамошние кони действительно отличались от остальных — явная помесь тяжеловоза с чистокровным скакуном.

Обычный тяжеловоз выглядит громоздким и неуклюжим: крупная голова, короткая толстая шея, широкая грудь. Такой конь идеален для упряжки, но из-за короткой шеи его голова почти не поворачивается, ограничивая обзор, что мешает быстрому бегу. Да и ноги у него короткие — по скорости он ушёл от быка недалеко.

Чистокровный скакун, напротив, изящен и статен. Его длинные сильные ноги, особенно задние, приспособлены для стремительного разгона. Аккуратная голова покоится на гибкой длинной шее, изогнутой дугой, что позволяет коню на всём скаку контролировать пространство вокруг. Скакуны невероятно быстры, но слишком нежны. Корм им нужен особый, да и вьюка они много не поднимут. Тянуть телегу для такого коня — непосильный труд, если только не запрячь целую кавалькаду.

Кони же в этом загоне напоминали искусно собранную повозку: грация скакуна в сочетании со статью ломовой лошади. Голова у них была меньше и изящнее, чем у тяжеловозов, так что их вполне можно было назвать красивыми. Шея — крепкая, прямая, длиннее, чем у рабочих лошадей, но достаточно плотная, чтобы выдерживать упряжь. Ноги — сильные, мускулистые, длиннее, чем у тяжеловозов, и заметно толще, чем у породистых бегунов. Такой конь обещал быть и быстрым, и выносливым.

Е Сяои остался доволен. Повернувшись к Мо Юэ, он предложил:

— Выбери сам.

Мо Юэ быстро указал на одного из коней. Е Сяои тут же одобрил выбор:

— Морда крупная, глаза большие, уши маленькие. Хорош!

Стоявший рядом торговец не сдержал смешка, услышав столь простодушную оценку.

Мо Юэ смерил его ледяным взглядом и ровным голосом произнес:

— «Трактат о лошадях» гласит: крупный нос свидетельствует о просторных лёгких, а значит, конь будет быстр на бегу. Большие глаза говорят о храбром сердце, такой скакун не испугается в бою. Кони же с мелкими глазами и белками наружу пугливы и ненадёжны. Уши должны быть маленькими и острыми, подобно срезанному бамбуку. Маленькие уши — признак кроткого нрава: такой конь чуток к воле наездника. Что именно в словах моего брата показалось тебе забавным?

Коннозаводчик хлопнул себя по лбу и поклонился:

— Простите дурака, господин! Всю жизнь лошадьми торгую, а мудрых книг не читал. Ваши слова бьют точно в цель, в них мудрости больше, чем во всём моём многолетнем опыте. Завтра же засяду за грамоту, чтобы больше не позориться перед знающими людьми.

Е Сяои снисходительно кивнул. Мо Юэ вскочил в седло, пустил коня шагом, затем лёгкой рысью. Убедившись, что копыта оставляют ровный след на одной линии, животное не хромает, а ход у него лёгкий и уверенный, он отсчитал серебро.

Оба юноши уселись на крепкого коренастого коня и во весь опор помчались домой. Скорость оказалась весьма приличной, а благодаря упряжной крови животное отличалось покладистым и спокойным нравом.

В прежние времена, когда Е Сяои доводилось падать во время скачек, его породистые скакуны тут же брыкались и убегали резвиться в поле. Обычного горячего коня у чайной лавки приходилось намертво привязывать к коновязи. Этот же метис послушно стоял на месте без всякой привязи, терпеливо дожидаясь хозяина.

Довольный покупкой Е Сяои окрестил коня Сяогуаем, что означало «Послушный».

Мо Юэ никак не прокомментировал столь незамысловатую кличку, но тем же вечером молча увеличил Е Сяои объём домашних заданий, заставив усерднее упражняться в каллиграфии.

Уже два месяца Е Сяои корпел над простейшими чертами, выводя на бумаге бесконечные

«один, два, три». И вот наконец суровый наставник снизошёл до того, чтобы научить его писать иероглиф «река». Мо Юэ заявил строго: пока Е Сяои не научится выводить идеальную вертикальную черту, к новым урокам они не перейдут. Е Сяои оставалось лишь смириться и каждый вечер выписывать проклятый знак.

Тем временем, обзаведясь надёжным скакуном, Мо Юэ значительно расширил географию своих торговых поездок. Теперь он уезжал далеко за пределы Янчжоу, заглядывая в каждый уездный городок и деревню, где ещё не слышали о знаменитых шпильках семьи Е.

Вскоре шпильки заполонили и соседние округа. О том, сколько дорог пришлось исходить юноше, оставалось только догадываться.

Вскоре Янчжоу охватила настоящая лихорадка. Шпильки семьи Е стали столь желанными, что из-за постоянной нехватки товара перекупщики взвинтили цены до небес. Почувяв наживу, другие ремесленники бросились мастерить подделки; даже служанки в богатых домах тайком крутили украшения из остатков шелка и выносили на продажу.

Однако соперничать с оригиналом они не могли. Шпильки семьи Е давно превратились в престижный бренд, а благородные дамы и их избалованные дочери гнались исключительно за редкостью. Простые торговцы с их дешёвыми подделками уходили ни с чем — знатные барышни ждали только тот товар, который привозил Мо Юэ.

Мо Юэ понимал, что долго это не продлится. Известные столичные лавки уже вовсю налаживали собственное производство, а их хитрые хозяева понемногу убрали вывески «Шпильки семьи Е», подменяя их своими копиями. При виде этих уловок он лишь презрительно усмехался и продвигался со своим товаром ещё дальше, занимая лучшие места в лавках самых процветающих торговых кварталов.

Каждое утро перед отъездом Мо Юэ подробно разбирал с Е Сяои три песни из «Шицзина», после чего отправлялся по делам. Оставшись один, Е Сяои весь день усердно зазубривал и осмысливал прочитанное. Стоило ему вернуться к ужину, как следовала беспощадная проверка.

За каждую забытую строчку или ошибку полагалось суровое наказание — переписывание древних текстов от руки. Чтобы не портить зрение при тусклом свете свечи во время ночных бдений, Е Сяои приходилось буквально лезть из кожи вон.

К моменту возвращения наставника он уже мог оттарабанить все три песни без единой запинки. Иногда, боясь опростоволоситься, он повторял один и тот же стих по десятку раз за день. От этого бесконечного бубнения даже бабушка Е и маленькая Е Сяомэй поневоле запомнили несколько строф. Пожилая женщина не могла нарадоваться, утверждаясь в мысли, что над их родом наконец взойшла счастливая звезда и её ненаглядный внук непременно добьётся успеха на экзаменах.

Спустя три месяца Е Сяои одолел все триста пять песен «Шицзина».

Впервые в жизни нерадивый ученик почувствовал себя победителем — за столь короткий срок он уложил в голове огромный древний канон. Раньше он думал, что его память подобна решету — улетучится на следующий же день. Но дьявольская система обучения Мо Юэ принесла плоды.

Всему причиной был безжалостный метод Мо Юэ. Прежде Е Сяои учился бессистемно: пока другие запоминали прочитанное с первого взгляда, он забывал всё, едва закрыв книгу. Однако Мо Юэ подошёл к делу как истинный мучитель. Каждое утро он требовал не только выучить три новые песни, но и без запинки повторить три старые.

Этот бесконечный круговорот повторений держал разум Е Сяои в постоянном напряжении. Стоило ему замешкаться при припоминании старого материала, как наказание удваивалось. Страх перед ночной писаниной заставлял его мозг работать на пределе возможностей.

Е Сяои понимал, что истязания идут ему на пользу. Чтобы информация осела в долговременной памяти, к ней нужно постоянно возвращаться, вытягивая её из глубин сознания снова и снова. Именно так древние книжники превращали свой разум в безупречное хранилище знаний. Он страстно желал обладать такой же памятью, а потому безропотно сносил все тяготы учёбы.

Бабушка Е, глядя на столь редкое прилежание внука, души не чаяла в Мо Юэ и старалась угостить молодого учителя самыми вкусными блюдами.

Мо Юэ тоже заметил, что у его непутёвого ученика, несмотря на полное отсутствие базовых знаний, оказался на редкость гибкий и восприимчивый ум. Он и сам не ожидал, что этот невежественный юнец сумеет за три месяца одолеть великий канон.

Разглядев в Е Сяои искру таланта, Мо Юэ решил перейти к более сложным вещам. Едва они покончили с «Шицзином», как наставник потребовал от него написания пиньвэня — изысканной прозы, состоящей из ритмичных четырёх- и шестиероглифных фраз.

Для Е Сяои, который и с обычной древней прозой справлялся с трудом, необходимость соблюдать строгий ритм, рифму и параллелизм конструкций показалась сущей пыткой.

Он тут же взбунтовался:

— С ума сошёл? Не буду я это писать! Не умею!

Мо Юэ невозмутимо отпил чаю:

— Всего восемь знаков.

Смысл намёка был ясен: выберешь пиньвэнь — напишешь всего восемь иероглифов. Выберешь обычную прозу — изволь накатать целое сочинение в сотню знаков. Выбор за тобой.

Но Е Сяои не поддался на уловку:

— Обычное сочинение я со второго раза точно сдам. А этот твой пиньвэнь я буду переписывать до скончания веков, пока тебе не понравится каждая чёточка. Лучше уж обычное сочинение.

Мо Юэ тонко улыбнулся:

— Хорошо. Будешь писать обычное сочинение. И пиньвэнь — тоже.

Е Сяои застыл, а затем сердито зашагал по комнате:

— Тебе что, заняться нечем? Совсем замучить меня решил? А как же твои шпильки, продавать их больше не надо?

Мо Юэ не торопясь отставил пиалу:

— Лавка «Шуньчжай» отказалась принимать наш товар.

<http://bllate.org/book/18182/1752932>